

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Новейшая история**

УДК 94(5):32(470.6)

DOI 10.31143/2542-212X-2021-4-205-232

**НЕЛИБЕРАЛЬНОЕ МИРОТВОРЧЕСТВО И РЕГИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ¹****А.А. ТУМОВ**

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173*

*ФГБНУ «Федеральный научный центр
‘Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук’»
Центр социально-политических исследований
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: tumovasker@gmail.com*

Аннотация. На протяжении постсоветского периода Северный Кавказ находился в фокусе миротворческой политики российского правительства. На примере Кабардино-Балкарии мы проанализировали, как стабилизационная политика федерального центра отражается на политической динамике в регионе. Действия национального правительства интерпретированы в соответствии с конфликтологическим подходом, а политический процесс в регионе – как смена политических порядков, ассоциируемых с руководителями органов власти в республике. Первый политический порядок сформировался в 1990-е гг. в результате утверждения у власти широкой коалиции элит, основу которой составила позднесоветская номенклатура. Косвенное вмешательство Москвы заключалось в бюджетных субвенциях в обмен на относительную стабильность в регионе. В первой половине 2000-х гг. политический порядок не смог эффективно отреагировать на внутренние проблемы; в условиях политики рецентрализации в республике был установлен новый политический порядок. Он характеризовался меньшей степенью инклюзивности элит и большей зависимостью от федерального центра. Этот политический порядок не смог адекватно ответить на угрозы, связанные с расколами элит и всплесками террористической активности. В 2013 г. федеральный центр сменил руководство республики; сложившийся в результате новый порядок отличался еще большим уровнем зависимости от Москвы, а также акцентом на вопросах безопасности. Таким образом, миротворческая политика центра была направлена на стабилизацию обстановки в республике; ее главным результатом стало установление вертикального контроля над республиканскими элитами за счет снижения уровня инклюзивности политической системы Кабардино-Балкарии.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-32278.

Ключевые слова: миротворчество; политические порядки; авторитарный конфликт-менеджмент; Северный Кавказ; субнациональное управление.

ILLIBERAL PEACEBUILDING AND REGIONAL POLITICAL DYNAMICS IN POST-SOVIET RUSSIA¹

A.A. TUMOV

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky Str., 173*

*FSBSE «Federal Scientific Center
'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»
Center of socio-political researches
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18
E-mail: tumovasker@gmail.com*

Abstract. Over the post-Soviet period, the North Caucasus has been in the focus of Russian peacebuilding practices. Analysing the developments in Kabardino-Balkaria, we demonstrated the causal relationship between stabilisation by the federal centre and regional political dynamics. We used the framework drawn from conflict studies to interpret the strategies implemented by the national government and political settlement analysis to describe the dominant political settlements that emerged under the successive heads of the republic. The first political settlement was a result of institutional arrangement within a broad elite coalition with the late-Soviet nomenklatura in its foundation. Indirect rule by Moscow amounted to transfers of budget subventions in exchange for the provision of relative stability in the region. In the early 2000s, this political settlement failed to effectively respond to internal political problems; amidst federal recentralisation, the new political settlement was established in the republic. It was marked by reduced inclusivity of elites and greater dependence on the federal centre. This political settlement lacked success in tackling complications of elite cleavages and religious violence. In 2013, Moscow replaced the republican governor and constructed a new institutional arrangement with larger subservience to federal elites and substantial attention to security matters. Thus, peacebuilding practices implemented by the centre sought to stabilise the situation in the region; it resulted in a successful tightening of vertical elite control but at the cost of reducing the inclusiveness of the political system within Kabardino-Balkaria.

Keywords: peacebuilding; political settlements; authoritarian conflict-management; North Caucasus; subnational governance.

1. Введение

Вопреки ожиданиям адептов теории либерального миротворчества (liberal peacebuilding), на рубеже XX–XXI вв. большинство постконфликтных политических сообществ встали на траекторию становления клиентелистских порядков, характеризующихся доминированием экстрактивных институтов, направленных на исключение большей части общества из процесса принятия политических решений и ограничение доступа к экономической ренте [Lewis

¹ Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 21-011-32278.

and oth. 2018; Keen 2021]. Подобная ситуация символизирует кризис устоявшегося в академической среде нормативного подхода, в основе которого лежит убеждение о сочетании политической демократизации, экономической либерализации и эффективного управления (*good governance*) как единственном способе поддержания устойчивого мира в постконфликтном социуме. Новые исследования призваны переориентировать политическую науку в определении причин того, почему постконфликтные режимы полагаются на нелиберальное миротворчество (*illiberal peacebuilding*) – стратегию выстраивания иерархичных и эксклюзивных (ограничивающих доступ к власти и ренте) политико-экономических структур с целью поддержания относительно стабильных форм политического порядка [Cheng and oth. 2018]. В данной ситуации открывается широкий простор для анализа взаимозависимости нелиберального миротворчества и трансформации политических режимов в постконфликтных обществах.

В фокусе внимания государств, прибегающих к тактике нелиберального миротворчества, неизменным образом оказываются приграничные регионы – это объясняется тем фактом, что периферии являются местом концентрации противоправных видов деятельности (нелегальная миграция, контрабанда, торговля оружием и т.д.). В связи с этим присутствие государства и других агентов миротворчества в приграничных районах может быть избыточным и естественным образом оказывает влияние на политическую трансформацию местных обществ [Pearce 1999; Plonski, Yousuf 2018]. После распада СССР Северный Кавказ оказался южным фронтиром Российской Федерации. Более того, в 1990–2000-е гг. регион охватил ряд вооруженных конфликтов на этнической и религиозной почве, поэтому вопрос о влиянии миротворческих практик российского правительства на политическую арену здесь приобретает особую актуальность.

Северокавказская политика РФ на протяжении постсоветского периода характеризуется как нелиберальное миротворчество. В качестве его аспектов исследователи выделяют контр-террористические операции с использованием силовых методов [Toft, Zhukov 2012], кооптацию местных элит [Souleimanov, 2015], а также финансовые субсидии и программы развития [Holland 2016]. Сложившийся в академической среде консенсус о роли бюджетных субвенций в северокавказской политике сводится к постулату о дотациях как инструменте приведения к лояльности политического класса в республиках [Стародубровская, Соколов 2013]. В целом, комплексная стратегия российских властей по стабилизации ситуации в регионе признается как отчасти успешная, поскольку очевидно привела к значительному снижению уровня насилия [Holland and oth. 2017]. Отчасти – потому что сопровождалась кризисом институтов управления и поглощением государством всех не связанных с ним организаций в политической и экономической сфере [Стародубровская, Казенин 2016].

Что касается литературы, посвященной основным детерминантам политической трансформации северокавказских обществ в постсоветский период, можно выделить два кластера, которые не противоречат друг другу, а

являются взаимодополняющими. С одной стороны, речь идет об исторической обусловленности нынешнего положения дел, вызванного структурными характеристиками социально-экономического развития в постсоветский период, сложным многоэтническим составом населения, территориальными спорами, религиозным фактором, проблемами реабилитации депортированных этнических групп и т.д. [Литвинова 2011; Цуциев 2007; Казенин 2009; Апажева 2018; Gammer 2014]. С другой стороны – о конфигурациях местных элит и процедурных условиях режимной трансформации в регионах [Северный Кавказ... 2011; Melvin 2007; Боров, Тумов 2017; The North Caucasus... 2012; Koehler and oth. 2020].

Таким образом, обзор литературы показывает возможность изучения политической трансформации северокавказских обществ сквозь призму нелиберального миротворчества, и целью настоящей работы является поиск закономерностей в политических трансформациях Северного Кавказа как реакции на стратегию российских властей. Для построения обобщений в рамках макрорегиона требуется сконцентрироваться на изучении политического опыта развития отдельных политических единиц; в связи с этим, исследование будет проводиться на примере Кабардино-Балкарии в постсоветский период.

Стабилизационные практики правительства в постконфликтном регионе проанализированы сквозь призму конфликтологического подхода. Согласно Д. Льюису нелиберальное миротворчество (в его терминологии – авторитарный конфликт-менеджмент) представляет собой политику деэскалации или подавления вооруженного восстания посредством инструментов государственного принуждения и иерархических структур управления. Придерживающиеся подобной политики правительства исключают проведение переговоров между сторонами конфликта, отвергают посредничество со стороны международного сообщества и ограничения на насилие со стороны государства; их действия (в силу разных причин) направлены на обеспечение стабильности в краткосрочной перспективе, нежели на борьбу со структурными причинами конфликта [Lewis and oth. 2018]. Анализ стабилизационной политики нелиберального миротворчества предполагает изучение трех направлений деятельности. Во-первых, это дискурсивная политика (*discourse policy*) – комплекс мер, призванных установить контроль над дискурсом, подчинить медиа-сферу и вытеснить оппонентов из информационного пространства. Во-вторых, это пространственная политика (*spatial policy*) – совокупность таких практик, как расширение физического присутствия государственных надзорных агентств, увеличение штата органов правопорядка, создание соответствующей инфраструктуры и буквально «зачистки» территории от нелояльных групп и организаций. В-третьих, это экономическая политика (*economic practices*), суть которой заключается в увеличении потоков и сумм экономической ренты и их распределении среди лояльных акторов и организаций.

Поскольку исследование задается целью проанализировать динамику институциональных трансформаций в регионе, методологически оправданно использование неоинституциональной теории, которая рассматривает

институты как «правила игры в обществе» – наборы формальных и неформальных ограничений, направляющих поведение индивидов и организаций и выбор ими стратегий для достижения своих целей. Институты предоставляют информацию организациям и индивидам и ограничивают их посредством установления формальных и неформальных правил и ритуалов. Тем не менее, институты не определяют напрямую будущие действия акторов. Наоборот, находящиеся в их распоряжении ресурсы и рычаги влияния являются важными детерминантами того, как и когда именно эти правила функционируют. В связи с этим мы берем на вооружение теорию политических порядков (*political settlements theory*) [Khan 2018]. Этот подход фокусируется на взаимодействии институтов и организационных способностей социальных акторов в пределах данной социетальной единицы и, таким образом, облегчает анализ организационной структуры возможностей для каждого участника политического процесса. В результате этих взаимодействий возникает политический порядок, который символизирует институциональное равновесие между распределением благ и распределением власти в обществе.

Источниковая база исследования состоит из нескольких групп. Во-первых, автор опирался на официальные документы и законодательные акты, регулирующие различные стороны общественной жизни Кабардино-Балкарии. Во-вторых, использовались материалы СМИ (газеты, журналы, телеграм-каналы), которые стали ценным ресурсом для выявления основных характеристик политической динамики в регионе. В третью группу вошли опубликованные воспоминания участников политических процессов – государственных деятелей, политиков, активистов общественных движений. Еще один кластер источников – это полуструктурированные глубинные интервью с представителями тех же категорий, способных дать информацию о процессах государственного строительства, функционирования политических институтов, ходе борьбы за власть, а также осуществлении экономических проектов в республике.

Структура статьи обусловлена приведенными выше рассуждениями. Вторая часть призвана объяснить динамику политических порядков в постсоветской Кабардино-Балкарии. В третьем разделе мы проанализировали практики нелиберального миротворчества, используемые российском правительством, и их влияние на переходы между политическими порядками в КБР. В заключении подведены основные итоги исследования и поставлены задачи для последующего изучения политики стабилизации в постконфликтных обществах.

2. Контекст: политические порядки в постсоветской Кабардино-Балкарии

Формирование позднесоветского политического порядка в Кабардино-Балкарии приходится на конец 1960-х гг. Его экономическим фундаментом были бюджетные субвенции, которые общесоюзный центр направлял в республику на развитие промышленности и туризма и которые впоследствии распределялись среди партийной, бюрократической и административно-

хозяйственной элиты. Обком партии фактически был центром принятия решений в республике. Политическая система была пронизана свойственными всей советской административной модели механизмами, такими как патронаж, коррупция и этническое квотирование. Экономический кризис 1980-х гг. и сокращение бюджетных субвенций, демократизация общественно-политической жизни и проведение свободных выборов 1989–1990 гг., ослабление партии и выход на арену общественных организаций обусловили кризис и демонтаж сложившейся системы.

Первый постсоветский политический порядок сформировался в период президентства В.М. Кокова (1992–2005). Хронология его учреждения и эволюции состоит из трех этапов. Первый характеризуется потерей государством монополии на насилие; доступом к этому инструменту политической борьбы обладали и официальные органы государственной власти, и претендующие на этнические организации, и процветавшие в 1990-е гг. криминальные группировки. В ходе борьбы за власть номенклатура ослабила этническую оппозицию, хотя не сумела противостоять организованной преступности. С середины 1990-х гг. наступил новый этап – этнические организации сошли с политической арены, а усиление органов правопорядка позволило начать борьбу с организованной преступностью. Консолидация режима выразилась в принятии конституции в 1997 г.; политический класс установил жесткий контроль над экономическими ресурсами в республике. Третий этап, наступивший в начале 2000-х гг., характеризуется новыми угрозами для режима – во-первых, ростом аграрного движения и реинкарнацией балкарского этнического проекта; во-вторых, популяризацией религиозных идей и вытеснением традиционных «силовых предпринимателей» мусульманскими общинами. Последние бросили вызов монополии правящей группы на насилие и экономические ренты; естественным образом они столкнулись с жестким ответом со стороны силовиков. Растущая «спираль насилия» вылилась в нападение на Нальчик 13 октября 2005 г. и совпала со сменой руководства КБР – В.М. Коков ушел в отставку по состоянию здоровья; вместе с ним канула в прошлое существующая констелляция правящих элит.

Новый политический порядок, ассоциируемый с президентством А.Б. Канокова (2005–2013), формально и институционально не отличался от предыдущего, однако действовал в соответствии с новыми параметрами. Благоприятная экономическая конъюнктура позволила снизить зависимость от дотаций из федерального бюджета; одновременно в республику хлынул поток инвестиций на развитие инфраструктуры, создавая новые источники рент для правящего класса. Состав последнего претерпел изменения – часть номенклатурной элиты «коковского» созыва была вытеснена, ее место заняла клиентела нового президента. Кроме того, силовые органы власти, которые при предыдущем политическом порядке были встроены в правящую коалицию, оказались под контролем федеральных структур и стали автономным центром принятия решений в республике. Недостаток легитимности среди отдельных сегментов правящего класса, продолжающийся аграрный конфликт между

элитой и жителями сел, а также эскалация религиозного насилия были естественным фоном политической динамики в условиях отсутствия насильственного потенциала у руководства КБР. Кульминацией кризиса модели управления стала отставка А.Б. Канокова в 2013 г.

Третий политический порядок совпадает с рамками губернаторства экс-силовика Ю.А. Кокова (2014–2018). При нем произошла секьюритизация местной политики – акцент был перенесен с вопросов экономического развития на обеспечение безопасности и предотвращение волн насилия. Значимые государственные посты распределялись среди бывших руководителей правоохранительных органов. Вооруженная исламистская оппозиция частично была ликвидирована силами спецслужб, либо вытеснена за пределы страны. Благодаря новому подходу после 2014 г. количество жертв вооруженного конфликта значительно уменьшилось; тем не менее, новая администрация не смогла разрешить существующие земельные и этнические конфликты, которые усугублялись экономической стагнацией. Как и его предшественник, в 2018 г. Ю.А. Коков был вынужден уйти в отставку. Республику возглавил сын первого президента К.В. Коков с технократическим прошлым и устойчивыми связями в местном истеблишменте. Последствия его назначения на состав правящей коалиции должны стать предметом будущих исследований.

3. Case Study

Приведенный выше обзор динамики политических порядков в Кабардино-Балкарии демонстрирует наличие «точек бифуркации» – фаз транзита между политическими порядками, которые произошли в начале 1990-х гг., первой половине 2000-х гг. и середине 2010-х гг. В качестве гипотезы мы утверждаем, что транзиты (иными словами – переходы) между политическими порядками произошли в результате реакции «центра» на дестабилизацию политической системы в республике. Подобное вмешательство позволяет говорить об ожиданиях, которые Москва возлагает на местные элиты – в первую очередь они должны играть стабилизирующую роль во вверенной политике, в частности, предотвращать вспышки насилия и не допускать проявлений сепаратизма. В разделах ниже будет уделено внимание каждому переходу между политическими порядками и их значению в антикризисной политике российских властей.

3.1. Переход от советской к современной политической системе

Во второй половине 1980-х гг. руководство СССР инициировало масштабную перестройку политической и экономической системы, сопровождаемую кризисом привычных институтов и резонно поставившую вопрос о переделе властных и экономических ресурсов как на общесоюзном, так и на региональном уровне. Советский политический класс столкнулся с необходимостью подстраиваться под новые правила игры – относительно свободные и конкурентные выборы, потеря партией ее доминирующей роли, публичное обсуждение экономических проблем и национального вопроса, а

также выход на сцену новых политических кругов, ставших активными участниками протестной политики. Экономический кризис 1980-х гг. и последующее ослабление центрального аппарата привели к нарушению потока финансовых средств; естественным образом это отразилось на благосостоянии крупных групп населения и способствовало слому устоявшейся социетальной структуры.

В республиках Северного Кавказа условия расширившейся структуры политических возможностей пробудили к жизни новую политическую оппозицию; она оформилась в виде общественных организаций, эксплуатирующих либерально-демократический и этнонационалистический дискурсы. В Кабардино-Балкарии конфронтация между удерживающей властью номенклатурой, с одной стороны, и организациями этнического толка, с другой, стала основной линией противостояния в борьбе за власть [Боров и др. 1999; Derlugian 2004; Шорова 2010]. Центральные власти в первые годы не принимали прямого участия в региональном политическом процессе ввиду отсутствия необходимых ресурсов, однако имели рычаги косвенного влияния на ситуацию. Они проявлялись в первую очередь в поддержке, которую политики федерального уровня оказывали местной оппозиции. Во-первых, принятый 26 апреля 1991 г. закон ВС РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» очевидным образом играл на руку этнической оппозиции – требования «реабилитации репрессированного балкарского народа» были доминирующим мобилизационным фактором балкарского населения, и закон обеспечивал балкарские организации инструментом давления на власти. Во-вторых, оппозиция получала от политиков федерального уровня устную поддержку, которая подрывала легитимность региональной номенклатуры – так, во время бойкота президентских выборов 1991 г. в Кабардино-Балкарии председатель ВС РСФСР Р.И. Хасбулатов призвал остановить процедуру голосования. В-третьих, во главе Конгресса кабардинского народа стоял Ю.Х. Калмыков – один из лидеров демократического движения России, соратник Б.Н. Ельцина и будущий министр юстиции РФ. Этим примеры иллюстрируют желание руководителей страны выстроить собственную клиентелу в регионах, подконтрольных номенклатуре.

Отношения правящей коалиции в Кабардино-Балкарии и властей РСФСР трудно интерпретировать в терминах «лояльность» и «нелояльность». Скорее, стратегия номенклатуры была направлена на «защиту рубежей», выразившуюся в попытках найти механизмы легитимации своего пребывания у власти в момент кризиса всей системы государственности в стране. Парадоксально, но пример подобного механизма подали сами органы управления РСФСР, утвердившие Декларацию о государственном суверенитете России 12 июня 1990 г.; регионы убедились в безопасности использования риторики суверенизации [Kahn 2000: 60]. Декларация о государственном суверенитете КБССР от 31 января 1991 г. была призвана уточнить позиции республики в новом государстве и обрести возможность заявить о себе в процессе формирования нового Союза; кроме того, она представляла из себя попытку

компромисса с этнической оппозицией. Далее, во время августовского путча ГКЧП руководители республики не предпринимали никаких активных действий; осторожность и нежелание совершить ошибки в условиях противостояния в центре перевесили неприятие преобразований и реформ. При этом официальные лица ориентировались на сторонников сохранения советского строя и провели встречи с членами ГКЧП, что стоило им потери ряда ключевых должностей после многодневного митинга, организованного этническими организациями.

Угроза окончательного вытеснения из Дома правительства после августа 1991 г. стала триггером, запустившим процесс сплочения номенклатуры и побудившим ее реформировать политическую систему республики посредством учреждения должности президента КБССР. Исследователи утверждают, что целью «импорта» этого института из западных демократических систем был осуществлен ради подтверждения суверенитета республики [Литвинова 2011: 185]. Однако президентство было и инструментом консолидации сложившейся политической системы, и способом легитимации установившегося статуса-кво в условиях нарастания центробежных сил [Боров и др. 1999: 131–133]. В условиях развала советской политической системы образовался «вакуум», который заполнили неформальные институты. Для правящей коалиции это проявилось в объединении вокруг лидера, которым в тот момент был В.М. Коков. По итогам двух туров 5 января 1992 г. он был избран на пост президента. Его неформальное лидерство с течением времени обернулось в «рутинизацию харизмы», и институт президентства был способом формализации сложившейся иерархии – президент стал арбитром внутри правящей коалиции и легитимным руководителем органов государственной власти в глазах населения; кроме того, отныне он имел все полномочия для занятия позиции медиатора во взаимоотношениях с Москвой.

Оценка антикризисного вмешательства федеральной власти в политический процесс в Кабардино-Балкарии должна начинаться с оговорки о том, что первые существенные интервенции были проведены лишь с середины 1992 г. Во-первых, с распадом СССР Кабардино-Балкария стала приграничным регионом, требующим особого внимания с точки зрения безопасности. Во-вторых, всплеск насилия на Северном Кавказе и сепаратистская кампания Чечни резко повысили в глазах центральной власти акции всех акторов, способных выступить агентами политической стабилизации. В-третьих, начало грузино-абхазского конфликта и активное участие в нем добровольцев из Северного Кавказа продемонстрировало мобилизационный и насильственный потенциал кабардинской оппозиции в КБР. На этом фоне правящая коалиция во главе с В.М. Коковым выглядела как предпочтительный союзник, способный удовлетворить запрос федеральных элит на неприсоединение к проекту независимости Чечни и стабилизацию политической обстановки любыми методами.

События осени 1992 г. поставили окончательную точку в переориентации политических сил – под предлогом охраны общественного порядка в

республику были введены отряды внутренних войск РФ; организованный кабардинской оппозицией в столице стихийный митинг сопровождался многочисленными насильственными инцидентами; попытавшиеся захватить штурмом здание правительства протестующие столкнулись с отрядами федерального ОМОНа; начались переговоры между лидерами противостоящих партий, опасавшихся реализации «чеченского сценария», и 4 октября митинг был распущен [Derlugian 2004: 265]. Альянс между региональными элитами и федеральной властью в последующем укреплялся. В октябре 1992 г. был подписан указ Б.Н. Ельцина о государственной поддержке социально-экономического положения КБР в целях стабилизации ситуации в условиях экономической реформы, согласно которому Москва обязалась выделить финансовые средства на развитие транспортной инфраструктуры, агропромышленного комплекса, тяжелой промышленности, туризма и поддержку строительства жилья; отдельным пунктом говорилось о поручении МВД и МБ РФ оказать помощь правоохранительным органам КБР в обеспечении общественного правопорядка и защите объектов государственной важности [Указ Президента... 1992]. Крупнейшим бенефициаром в сложившейся ситуации стало МВД КБР как главный гарант не только безопасности населения, но и стабильного пребывания у власти правящей элиты. В составе министерства были созданы УБОП, вневедомственная охрана, полк ППС, отряд ОМОН, увеличено количество нальчикских ОВД, а общая численность штата МВД с 1992 по 2002 г. выросла с 3423 до 6144 человек [Шипилов, Кузьмина 2007: 219–220].

В это же время свои очертания приобрела дискурсивная политика властей. Показательна здесь риторика, используемая лоялистами на заседаниях Верховного Совета – оппозицию обвиняли в попытке «насильственного свержения законно избранных органов власти», «дестабилизации общественно-политической обстановки», «разрушении единства Кабардино-Балкарии», «разрыве с Российской Федерацией» и «развязывании межнациональной войны» [Шорова 2010: 145–146]. Данные положения частично были пронизаны духом наследственности по отношению к риторике советского периода, частично были реакцией на сформировавшуюся ранее риторику этнических организаций. Некоторые новые термины подчеркивали ценность стабильного политического развития республики (например, в среде сторонников правящей коалиции распространился термин «провокаторы», которым обозначали оппозиционных активистов). Помимо этого, утверждение гегемонии в дискурсивном поле заключалось в ограничении доступа оппозиции к СМИ – анализ показывает, что наиболее тиражируемая в республике «Кабардино-Балкарская правда» отказалась от освещения событий с отличных от официальной точек зрения, а ряд связанных с протестными движениями газет прекратил выпуск.

В условиях противостояния между исполнительной и законодательной властью в 1993 г. руководители республики заняли выжидательную позицию, поскольку в сложных социально-экономических условиях и зависимости бюджета республики от федеральных дотаций (70% бюджета в 1993 г.) не

желали «политизировать» свои отношения с Центром [Боров и др. 1999: 152]. После разгона Верховного совета РФ 3–4 октября и утверждения у власти Б.Н. Ельцина было понятно, что теперь республиканские власти могут определиться и продолжить функционирование в рамках нового порядка. В июле 1994 г. был заключен Договор о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти КБР, который стал символическим воплощением «парада демонстрации лояльности». Отныне власти республики целиком переориентировались на поддержку Кремля, перешли к риторике социального консерватизма и оказались в авангарде лоялистов на Северном Кавказе, выступив медиатором по разрешению многочисленных гражданских конфликтов в округе. В свою очередь, центр обеспечивал власти КБР бюджетными трансфертами, столь необходимыми в кризисный период.

Выстраивание системы «торга» с Москвой позволило правящей коалиции распустить Верховный Совет КБР и провести выборы в только что учрежденный Парламент, в котором не оказалось ни одного оппозиционного политика – в состав легислатуры прошли только представители исполнительной власти и крупного бизнеса и директорат государственных предприятий. Изменение формальных институтов политической власти в КБР не привело к радикальной коррекции привычного каркаса неформальных «рутин», определяющих социальный порядок в республике. Наоборот, парламентская реформа лишь закрепила существующие здесь практики, такие как доминирование исполнительной власти над законодательной, клиентелизм и этническое квотирование. Первый созыв Парламента КБР стал зримым олицетворением патронажной сети, установившей свою власть в республике и монополизировавшей доступ к финансовым потокам из федерального бюджета.

Формальное закрепление достижений предыдущего периода произошло спустя несколько лет, с принятием Конституции КБР в 1997 г., которая лишь зафиксировала сложившийся к 1994 г. статус-кво. Как и федеральная конституция, Основной закон КБР стал результатом не широкого общегражданского обсуждения, а итогом утверждения у власти одной политической группировки. Это отразилось на отдельных положениях Конституции, которые можно рассматривать как недемократические; к их числу относится авторитарная природа института президента, поставленного над системой разделения властей. В республике установился президентский тип разделения властей при подчиненном парламенте, не обладающим возможностями контроля над кабинетом; правительство было ответственно за реализацию решений, принятых главой республики [Боров и др. 2018: 697]. Такая схема государственного управления во многом была преемственной по отношению к позднесоветской структуре органов власти КБАССР – функции президента, правительства и парламента фактически реплицировали разделение компетенций между первым секретарем обкома, Советом Министров и Верховным Советом.

3.2. Рецентрализация и корректировки постсоветской политической системы

В политологической литературе общепризнано, что период ослабления центральной государственной власти и фрагментации страны сменился на рубеже 1990–2000-х гг. политикой рецентрализации, направленной на восстановление контроля федеральных органов власти над важнейшими рычагами управления страной [Гельман 2006: 94–95]. Несколько факторов способствовало изменению политического ландшафта в России. Военная операция в Чечне искоренила последний явственный очаг сепаратизма и укрепила позиции силовиков в правящей коалиции. Кризис 1998 г. ослабил экономики регионов и способствовал концентрации экономических ресурсов в центре. Рост цен на природные ресурсы дал возможность федеральным властям запустить экономические реформы и увеличить объемы бюджетных дотаций регионам, таким образом обеспечив «замирение» местных элит в свете будущих ограничений и изменения констелляции акторов. Объединение партий «Единство» и «Отечество – вся Россия» в «Единую Россию» позволило создать «партию власти», ставшую важным инструментом на пути правящей коалиции к закреплению своих позиций в законодательных собраниях всех уровней – от федерального до муниципального. Наконец, борьба с олигархами и обеспечение государственного контроля над крупнейшими СМИ позволили правящей коалиции избавиться от сильнейших оппонентов, навязать оставшимся новые «правила игры» и интегрировать все элитные группы в свой состав [Ross 2002: 140; Gelman 2002: 356–359; Golosov 2014].

Относительно вялотекущая политическая динамика в Кабардино-Балкарии на рубеже 1990–2000-х гг. позволяла современникам использовать в отношении республики такие термины, как «островок стабильности». Правящая коалиция в республике инкорпорировала в свой состав всех значимых политических акторов и монополизировала доступ к экономическим ресурсам. Подтверждением тому стали безальтернативные президентские выборы 1997 г., легитимирующая достижения постсоветского периода Конституция, а также парламентские выборы 1999 г., в ходе которых депутатские мандаты были распределены среди представителей элиты. На фоне северокавказских соседей с их высоким уровнем протестной активности, расколами элит и кровопролитными конфликтами Кабардино-Балкария представляла из себя консолидированную политическую систему, до сих пор успешно справлявшуюся с внутренними и внешними кризисами.

Начало нового десятилетия разительно контрастировало с привычным образом «тихой гавани». Во-первых, несправедливые, по мнению сельских жителей, решения республиканских властей по поводу усечения территорий муниципалитетов и перевода земель в республиканскую собственность спровоцировали аграрные протесты в ряде сел (в основном населенных балкарцами). Во-вторых, в напряженной обстановке прошла ликвидация населенных пунктов вокруг Нальчика, включенных в состав столицы, что дало импульс новой волне балкарского этнического движения. С течением времени

балкарская оппозиция стала движущей силой земельных протестов; при взгляде со стороны противостояние сельских жителей и республиканских властей выглядело как очередной виток этнического конфликта между кабардинцами и балкарцами. В-третьих, широкую социальную поддержку получил Джамаат КБР, объединивший общины религиозных фундаменталистов. По ряду причин за несколько лет исламисты перешли от мирной риторики к вооруженному противостоянию с органами правопорядка, кульминацией которого стало нападение боевиков на Нальчик в октябре 2005 г. [Youngman 2020]. В-четвертых, экономическая ситуация в республике характеризовалась высоким уровнем расслоения в доходах, кризисом промышленности, монополизацией аграрного сектора и чрезмерной долей теневой экономики, в которую была вовлечена значительная часть населения.

На фоне обострения внутренней ситуации субнациональному режиму предстояло столкнуться с рядом внешних факторов, связанных с переходом федеральных властей к политике децентрализации с 1999 г. В соответствии с ее принципами законодательство и система управления в субъектах должны были быть скорректированы в соответствии с общефедеральными принципами; страна была поделена на федеральные округа, контролируемые полномочными представителями президента (полпредами); реформа Совета Федерации была призвана ослабить губернаторов, как и появившаяся у главы государства возможность отрешать от должности президентов республик и распускать региональные парламенты. По сути, центр стал воплощать в жизнь проект унификации региональных политических машин [Golosov 2017: 556].

При этом следует отметить, что политический порядок в Кабардино-Балкарии достаточно успешно приспособивался к новому общефедеральному контексту. Во-первых, республика достаточно быстро прошла этап партизании, выразившийся в доминировании «Единой России» в законодательном собрании и муниципальных советах, а в ходе электорального цикла 2003 г. партийная система была фактически приведена в соответствие с унифицированной думской констелляцией политических сил [Тумов 2017: 120–125]. Во-вторых, местные элиты достаточно спокойно отнеслись к корректировке республиканской конституции, в ходе которой из основного закона исчезли положения, связанные с суверенитетом республики [Боров 2017]. В-третьих, региональные власти относительно быстро взяли на вооружение удобную Москве антиисламистскую риторику. Анализ официального дискурса в отношении исламских фундаменталистов демонстрирует желание официальных лиц показать членов Джамаата КБР как либо школьников, неспособных на критическое осмысление религиозных доктрин, либо уголовников-рецидивистов, «прикрывающихся верой» (опустим противоречивость обоих дискурсивных трендов). Одновременно начались притеснения «новых мусульман» со стороны правоохранительных органов. Показателен фрагмент из выступления мэра Нальчика, оправдывавшего жесткие меры правоохранителей в отношении религиозных фундаменталистов: «После Беслана и после выступления Путина на расширенном заседании

правительства мы живем в совсем другом государстве. Никто теперь с нами цацкаться не будет» [Тумов 2020: 187].

До определенного момента сложившаяся в КБР система управления воспринималась в качестве надежного проводника политики центра, утверждает Г.М. Емельянова. Анализ республиканских законов о бюджете свидетельствует об увеличивающихся федеральных субвенциях на протяжении 1999–2004 гг. Потеряв позицию вице-спикера Совета Федерации в 2000 г., В.М. Коков занял место в составе президиума новообразованного Государственного совета. Во время достаточно конкурентных президентских выборов 2002 г. он получил поддержку Москвы [Yemeljanova 2005]. Более того, хотя силовые ведомства перешли под кураторство полпреда, министерство внутренних дел КБР продолжал возглавлять глубоко встроженный в доминирующую коалицию Х.А. Шогенов, с именем которого связывают притеснения «новых мусульман».

Судя по всему, даже в контексте нарастания кризисных тенденций и рецентрализации политический порядок в КБР мог поддерживать свое существование благодаря медиаторским и лоббистским ресурсам В.М. Кокова. Его присутствие на политической арене нивелировало такие дестабилизирующие региональные тенденции, как нарастающий земельный конфликт и противостояние правоохранительных органов с религиозными фундаменталистами. В сентябре 2005 г. В.М. Коков ушел в отставку вследствие тяжелой болезни. Скорее всего, в других условиях правящая коалиция смогла бы обеспечить переход должности президента кандидату-выходцу из своей же среды. Однако строительство «вертикали власти» отразилось на статье 79 конституции – порядок избрания главы республики гражданами на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании был заменен на наделение полномочиями Президента КБР по представлению главы российского государства парламентом республики. Фактически вопрос о будущем руководителе решался в Москве – через несколько дней после отставки В.М. Кокова полпред в ЮФО Д.Н. Козак прямо заявил прессе о своей осведомленности по поводу кандидатуры следующего президента. Вскоре полномочиями главы республики был наделен бизнесмен А.Б. Каноков.

Новый президент в течение долгого времени развивал бизнес в Москве и держался на определенной дистанции от старого руководства. По сути, назначение «аутсайдера» (по отношению к правящей коалиции) исследователи объясняют антикоррупционными причинами¹. Действительно, вслед за назначением А.Б. Канокова начались перестановки в высших эшелонах органов власти. Во-первых, для оптимизации работы исполнительной власти была создана администрация президента, сосредоточившая в своих руках контроль над политической ситуацией в республике; ее возглавил соратник президента адвокат А.Х. Кажаров. Во-вторых, новым председателем правительства стал А.В. Ярин, считавшийся креатурой аппарата полпреда в Южном федеральном

¹ Казенин К.И. Кабардино-Балкария. Сколько стоит тишина // Московский Центр Карнеги: сайт. URL: <https://carnegie.ru/commentary/67769> (дата обращения: 12.09.2021).

округе. Его кадровая политика, нацеленная на обновление кабинета министров, воспринималась местными политиками враждебно – из 18 членов правительства лишь 6 человек были представителями «коковского» созыва. В-третьих, с поста министра внутренних дел был уволен Х.А. Шогенов. В 2006 г. он подвергся критике за чрезмерный прессинг исламистских радикалов, неспособность справиться с проблемой религиозного экстремизма и коррумпированность ведомства. Его преемником стал выходец из Камчатки Ю.И. Томчак, бывший креатурой аппарата полпреда. С тех пор руководители силовых органов КБР сохраняли автономное положение и не зависели от правительства, на деле подчиняясь федеральным органам власти и полпредству; на руководящие должности в УМВД и УФСБ назначались выходцы из других регионов, не встроенные в существующую элиту. Как правило, новоназначенные начальники управлений выстраивали свою клиентелу, таким образом создавая фракцию в правящей коалиции, не связанную с остальными группами и целиком зависящую от федеральных источников ренты. «Оторванность» силовиков от республиканских властей была общей чертой политических режимов во всех субъектах СКФО [Тумов 2020: 217–218].

Конфликтогенный потенциал этих перестановок вкупе со стремлением А.Б. Канокова очистить политическую арену от основных конкурентов в борьбе за власть наложилась на структурные проблемы социально-экономического пространства республики (земельный вопрос, религиозное противостояние), формируя основной фон для остальных политических процессов в республике в 2006–2013 гг.

3.3. Секьюритизация в условиях общегосударственной стабильности

В последней трети 2000-х гг. российский политический режим представлял из себя консолидированную систему. Подавляющее большинство в парламентах оставалось в руках «Единой России», а точечные перестановки не вносили особых корректировок в констелляцию субнациональных политических акторов. Тем не менее, изменилось содержание внутренней политики. Начало мирового финансово-экономического кризиса 2008 г., падение цен на сырье, а также необходимость поддерживать конструкцию тандема «Медведев-Путин» привели к попыткам федеральной власти бросить ресурсы на начало деполитизированной модернизации ради улучшения инвестиционного климата, развития инфраструктуры и упрочения позиций страны в глобальной экономике [Пабст 2010]. После 2013 г. российский политический режим столкнулся с рядом новых вызовов. Идеи авторитарной модернизации, популярные в президентство Д.А. Медведева, оказались замещены интересами ключевых акторов, вовлеченных в поиск ренты, и отсутствием социального запроса на крупномасштабные реформы, поскольку население не желало жертвовать своим благополучием ради экономических экспериментов [Гельман 2019: 41]. Помимо этого, ухудшающаяся ситуация в экономике после 2012 г. выразилась в снижении реальных доходов населения,

падении уровня потребления и дестабилизации региональных бюджетов [Политическое развитие... 2016: 51–57]¹.

Политическая динамика на Северном Кавказе находилась в фокусе особого внимания ключевых акторов на федеральном уровне. Россия получила право проведения зимних Олимпийских игр 2014 г. в Сочи, что предвещало масштабные инвестиции в местную инфраструктуру и имело важное значение для стабилизации ситуации в регионе с высоким уровнем насилия. Вооруженный конфликт в Южной Осетии 2008 г. вылился в военную реформу, укрепившую роль силовиков в политическом процессе [Gratz 2014: 4]. В 2009 г. была завершена военная кампания в Чечне. Гражданская война в Сирии оказалась напрямую связана с государственной позицией в отношении исламистского движения и черкесского вопроса, формирующих повестку дня в Кабардино-Балкарии. В это же время республики накрыла новая волна насилия, связанная с объединением экстремистских общин в террористическую организацию «Имарат Кавказ». Обеспокоенность ситуацией в сфере безопасности привела к изменению системы управления регионом. В 2010 г. 6 республик Северного Кавказа и Ставропольский край были объединены в Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО).

Вооруженный конфликт между органами правопорядка и вооруженными исламистами в Кабардино-Балкарии занял верхнюю строчку в политической повестке республики. Даже после ликвидации лидеров местная ячейка Имарата нарастила свои организационные возможности и в 2010–2012 гг. совершила ряд громких терактов и убийств; в феврале 2011 г. власти ввели на территории Баксанского и Эльбрусского района режим контртеррористической операции, который имел разрушительный эффект для индустрии туризма. При некоторых колебаниях Кабардино-Балкария удерживала второе – после Дагестана – место среди субъектов СКФО по интенсивности столкновений силовых структур с вооруженным подпольем [Тумов и др. 2019: 123]. При этом республиканские власти, как и прежде, были отчуждены от борьбы с терроризмом, которая была отдана на откуп федеральным силовикам; руководители силовых органов КБР сохраняли автономное положение и не зависели от правительства КБР, на деле подчиняясь федеральным органам власти и полпредству; кроме того, на руководящие должности в УМВД и УФСБ назначались выходцы из других регионов, не встроенные в существующую элиту – так, в 2010 г. МВД возглавил С.В. Васильев из Кемеровской области.

Как правило, на плечи губернаторов ложился экономический аспект профилактики и борьбы с экстремизмом, и бэкграунд А.Б. Каноква позволял возлагать на него надежды как на успешного бизнесмена. Тем не менее, к 2012 г. было ясно, что амбициозные планы принятой в 2007 г. «Стратегии развития КБР до 2022 года» несбыточны, а крупномасштабные проекты типа возрождения вольфрамо-молибденового комбината, создания

¹ Зубаревич Н.В. Рост турбулентности в регионах и городах России: оценка перспектив и рисков. 03.11.2015 // Политком.РУ: информационный сайт политических комментариев. URL: <http://politcom.ru/19260.html> (дата обращения: 12.09.2021).

высокотехнологичных сельскохозяйственных комплексов и строительства завода чистых полимеров «Этана» не получили развития. Правительство республики ставило себе в заслугу увеличение количественных показателей (например, рост ВРП и собираемость налогов) и снижение процента субвенций из федерального бюджета с 67,7% до 49%. Тем не менее, реальный размер федеральных трансфертов Кабардино-Балкарии был значительно выше за счет перечислений, связанных с модернизацией инфраструктуры. Более того, эксперты отмечали, что инвестиционный климат не улучшился ни с точки зрения гарантий прав собственности и соблюдения контрактов, ни с точки зрения физической безопасности, а нерешенность земельного вопроса еще больше усиливала неопределенность в возможностях модернизации региона [Стародубровская, Казенин 2013: 6; Северный Кавказ... 2012: 70]. При этом вопросы модернизации и перераспределения земель стали очередным конфликтогенным фактором политической динамики.

Попытка модернизации Северного Кавказа стала частью проекта авторитарной модернизации России, который исследователи единодушно считают неудачным [Гельман, Стародубцев 2014: 6–7]. С самого начала стратегия подверглась критике; в основном она касалась нереалистичных целей и отсутствия опоры на реальную ситуацию в регионе. Так, она практически не учитывала региональную специфику с ее высокой долей неформальной экономики и малых форм хозяйствования АПК, развитых, например, в Кабардино-Балкарии [Ашхотова 2015: 44]¹. Истинные мотивы реализации программы, видимо, лежат в плоскости распределения ресурсных потоков. К.И. Казенин утверждает, что федеральный центр согласился на выделение такой суммы ради того, чтобы местные элиты получили возможность доступа к «освоению» средств в обмен на обеспечение относительной стабильности в регионе². С ним соглашается ряд других экспертов; по их мнению, поскольку ограничение доступа к экономической ренте ограниченным количеством акторов усиливает стимулы к применению насилия среди элит, государство решило существенно расширить доступ к ренте.

Примером конфликтогенного потенциала инфраструктурных инвестиций стала программа развития местного туркластера. Ее реализацией занималась госкорпорация «Курорты Северного Кавказа» (КСК); после переговоров с правительством КБР она заявила о создании горнолыжного курорта «Эльбрус-Безенги», что требовало передачи части земель Эльбрусского, Черекского и Чегемского районов в распоряжение КСК. Однако на этой территории уже сложилась «очаговая» туристическая индустрия, в которой были

¹ The North Caucasus: Islam, Security and Politics. Meeting Summary 1 June 2012 // Chatham House – International affairs Think Tank: website. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Russia%20and%20Eurasia/270612summary.pdf> (дата обращения: 09.11.2021).

² Казенин К.И. Снова в горы: что стало с курортным проектом на Северном Кавказе. 17.01.2017 // РБК – Деловое информационное агентство: сайт. URL: https://www.rbc.ru/opinions/politics/17/01/2017/587dda819a79474f241e697f?utm_source=amp_full-link (дата обращения: 12.09.2021).

преимущественно заняты местные жители; экспансия со стороны федеральных агентств и республиканских властей воспринималась ими как угроза «территории проживания балкарского народа» [Северный Кавказ... 2011: 205]. Проблема недостаточного доступа жителей сел поднималась с начала 2000-х гг. и тесно сплелась с балкарским этническим движением. Политика республиканского правительства, нацеленная на закрепление земель отгонного животноводства в республиканской собственности и передачу рекреационных территорий КСК спровоцировала волну протестов, кульминацией которых стала голодовка балкарских активистов на Манежной площади в Москве в 2011 г., ставшая попыткой перевести вопрос о земле в федеральную повестку. Впоследствии территория Приэльбрусья стала зоной проведения контр-террористической операции, а сам конфликт оказался законсервирован.

Позиции А.Б. Канокова, который в 2010 г. вновь был назначен главой КБР, не казались крепкими. Опросы показывали, что в 2012 г. около 70% жителей КБР были недовольны ситуацией в республике [Хайкин, Попов 2012: 16]. В последние годы президентства А.Б. Канокова обострилась борьба за власть; с точки зрения расстановки сил конкурирующих групп и форм их взаимоотношений показательны события лета–осени 2012 г., когда по коррупционному «делу филармонии» были привлечены к ответственности действующий глава администрации главы КБР и министр по управлению госимуществом, которые приходились родственниками президенту. Задержанные и сам губернатор обвинили в фабрикации этого дела Ю.А. Кокова, руководителя департамента по противодействию экстремизму МВД РФ, стремившегося к созданию собственной клиентелы в силовых органах КБР¹. Тезисы о неустойчивости политического режима в КБР и недовольстве федерального центра социально-экономическим положением в республике получили подтверждение 6 декабря 2013 г., когда А.Б. Каноков подал в отставку с должности главы по собственному желанию; временно исполняющим обязанности главы был назначен Ю.А. Коков.

Назначение Ю.А. Кокова врио главы произошло незадолго до истечения срока парламента. Одновременно нужно было решить вопрос о выборах главы, поскольку федеральное законодательство предоставляло альтернативные варианты – как проведение прямого голосования жителей субъекта, так и назначение руководителя субъекта законодательным органом власти. Очевидно, что, хотя принятие закона о выборах главы формально находилось в компетенции парламента, решение принималось в других кругах. Полпред А.Г. Хлопонин прямо посоветовал Ю.А. Кокову провести выборы через Парламент, а не посредством народного голосования [Юрий Коков... 2013]. В итоге была изменена часть 1 статьи 79 конституции – теперь она устанавливала, что глава КБР избирается депутатами парламента после представления кандидатуры президентом России сроком на пять лет. Назначенные на 14 сентября 2014 г. выборы парламента в связи с вышесказанным имели важное

¹ Алленова О. Все это выглядело как оскорбление республики. 25.06.2012 // Коммерсант: сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1958453> (дата обращения: 12.09.2021).

значение, так как новому созыву предстояло осуществить процедуру назначения главой КБР кандидата, предложенного президентом РФ. Состав законодательного собрания обновился на 68%, в основном за счет людей, рекрутированных в депутаты из местного чиновничества и работников бюджетной сферы – педагогов, врачей, деятелей культуры; соответственно, уменьшилась доля представителей бизнеса, численно доминировавших в «каноковском» созыве. На внеочередной сессии парламента все 70 депутатов проголосовали за наделение Ю.А. Кокова полномочиями Главы КБР.

Мотивы федерального центра, спешно меняющего руководство региона, в данной ситуации были очевидны – приближающиеся Олимпийские игры, политическая нестабильность в регионе и вооруженный конфликт с участием исламистских структур уже давно обусловили назначение губернаторами в СКФО силовиков; бизнесмен А.Б. Каноков оставался исключением среди них. Эта же тенденция отразилась и на руководстве федерального округа – в 2014 г. полпредом в СКФО стал С.А. Меликов, выходец из внутренних войск МВД РФ. В 2016 г. на должность полпреда был назначен О.Е. Белавенцев, еще один выходец из силовых структур. Перестановки коснулись и силовых структур в республике, в первую очередь МВД КБР, которое возглавил И.К. Ромашкин, уже имеющий опыт работы на Северном Кавказе и противодействия терроризму.

Перечисленные выше перестановки сопровождалась расширением присутствия государства, в частности силовых органов и спецслужб. Совокупные усилия позволили изменить динамику жертв вооруженных конфликтов – так, количество убитых и раненых среди сотрудников спецслужб и членов подполья упало с 123 в 2013 г. до 1 в 2017 г. [Тумов и др. 2019: 123]. В 2014 г. завершился судебный процесс над участниками нападения на Нальчик в 2005 г. Одновременно возрос интерес правоохранителей к расколотому черкесскому движению. Многие «несистемные» черкесские активисты, чья протестная деятельность была связана с приближающимися Олимпийскими играми, были арестованы в 2013–2014 гг.¹ Представители более умеренных организаций, сосредоточившихся на помощи и адаптации репатриантов из Сирии, столкнулись с рядом юридических и финансовых препятствий². Таким образом, консолидация политического порядка и расширение присутствия федеральных силовиков привели к тому, что внутренняя политическая динамика в губернаторство Ю.А. Кокова оказалась на определенный период времени законсервирована.

¹ Черкесский вопрос в Сочи: столица Олимпиады или геноцида? // Интернет-СМИ «Кавказский узел»: сайт. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/238010/> (дата обращения: 12.09.2021).

² Баева А. 150 лет назад Россия депортировала черкесов в Сирию. Теперь они бегут обратно – но и здесь им не рады. 24.08.2018 // SIA «Medusa Project»* – «Медуза»* : сайт. URL: <https://meduza.io/feature/2018/08/24/150-let-nazad-rossiya-deportirovala-cherkesov-v-siriyu-teperoni-begut-obratno-no-i-zdes-im-ne-rady> (дата обращения: 12.09.2021).

* Признано Минюстом иностранным СМИ, выполняющим функции иностранного агента.

В условиях политической секьюритизации доступ к существующим экономическим рентам по-прежнему был ограничен узким кругом лиц. Тем не менее, новая государственная политика носила двойственный характер в отношении основных бенефициаров этих рент. Показательны в этом ключе два кейса, связанных с рынками недвижимости и алкоголя.

В 2010-е гг. «новые мусульмане» сформировали свою субкультуру, находящуюся в идеологическом «подполье» и занятую в не связанных с государством сегментах малого бизнеса и сферы услуг [Такова 2016: 275–276]. В их среде сформировались собственные патронажные сети, принадлежность к которым гарантировала их оторванность от остальных социальных групп. Однако отдельные представители этой структуры вошли в правящую коалицию, получив доступ к рынку недвижимости – застройщики стали бенефициарами государственных программ повышения доступности жилья. С точки зрения государственного конфликт-менеджмента очевиден стабилизирующий эффект включения сетей «новых мусульман» в экономику региона как средство повышения их лояльности.

Второй кейс связан с ликероводочным бизнесом, который на протяжении 2000-х гг. был бюджетообразующей индустрией. В 2015 г. было открыто уголовное дело, связанное с коррупцией в руководстве Росалкогольрегулирования. Впоследствии спиртовые заводы КБР потеряли свои лицензии и были обвинены в неуплате налогов и контрабанде алкоголя. Тогда же в республике появились контрольно-пропускные посты на выездах в Ставропольский край и Северную Осетию, на которых несли службу сотрудники федеральных силовых ведомств; эксперты утверждают, что КПП были открыты с целью контроля контрабандной спиртовой продукции. Как выяснилось позже, индустрия алкогольного контрафакта пользовалась неформальным покровительством со стороны руководителей республиканского УГИБДД, что объясняет присутствие федеральных силовиков¹. В результате, по утверждению Ю.А. Кокова, все ликероводочные заводы в КБР были остановлены, а доходы бюджета КБР в первой половине 2017 г. недосчитались более 2 млрд руб. за счет потери акцизов на алкоголь. Помимо этого, несколько тысяч жителей КБР потеряли работу. Учитывая, что рынок алкоголя в России продолжает расти, в республике появились слухи о том, что местная ликероводочная индустрия была уничтожена в угоду интересам «неместных» олигархов, в частности, владельцам государственной корпорации «Росспиртпром»².

¹ Чаблин А. Алкоголь ‘обезглавил’ полицию КБР. 12.07.2019 // Интернет-СМИ «Кавказ-Пост»: сайт. URL: https://capost.media/special/alkogol_obezglavil_politsiyu_kbr/ (дата обращения: 12.09.2021).

² Водочников «слили» // Кавказская политика: сайт. URL: https://kavpolit.com/blogs/obmanyue_nadezhdu/29808/ (дата обращения: 12.09.2017); Сагдиев Р. Как был создан крупнейший в России продавец дешевой водки. 27.03.2016 // «Ведомости»: сайт. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/03/28/635309-vodka-svyazyami> (дата обращения: 12.09.2021).

4. Заключение

В данной работе мы рассмотрели миротворческие и стабилизационные практики, применяемые российским правительством в одном из беспокойных пограничных субъектов на протяжении постсоветского периода. Используя эти методы, государство добилось установления гегемонного дискурса с целью делегитимации оппонентов, контроля над физическим пространством и расширения присутствия государства в регионе, а также утверждения политико-экономического порядка, характеризуемого патронажным распределением ренты.

Нелиберальное миротворчество как средство стабилизации «непокойных» северокавказских субъектов появилось в арсенале российских властей сразу после распада Советского Союза. Даже несмотря на высокую степень децентрализации и ограниченность рычагов влияния на ситуацию в регионах, Москва выработала тактику лавирования между политическими силами с целью определения акторов, союз с которыми приносил бы наибольшие дивиденды в виде стабилизации – в случае Кабардино-Балкарии это была удерживающая власть позднесоветская номенклатура, вынужденная конкурировать с этнической оппозицией. В дискурсивном поле республиканские власти ориентировались на риторику социального консерватизма, используемую для делегитимации националистического и сепаратистского дискурсов – в условиях ухудшающейся обстановки на Северном Кавказе Москве импонировал подобный подход. Количественное и качественное увеличение государственного присутствия заключалось в первую очередь в расширении штата и финансирования правоохранительных органов, введении на территорию республики силовых подразделений, а также выделении достаточно крупных субвенций из федерального бюджета на строительство инфраструктуры. Последние были также призваны установить государство и связанные с ним организации в качестве монопольного распределителя экономической ренты, доступ к которой был бы возможен только через принадлежность к кругу лоялистов.

Кризис первого постсоветского политического порядка, вызванный внутренними объективными причинами и уходом с политической арены лидера, совпал с новыми тенденциями в российской системе управления. Дискурсивная политика в условиях рецентрализации проявилась во внедрении антитеррористического нарратива, который эксплуатировал страх населения перед деятельностью религиозных фундаменталистов. Новая пространственная политика выразилась в принудительном изменении конфигурации правительства республики, состав которого претерпел значительное обновление. Более того, правоохранительные органы были выведены из-под контроля республиканских органов власти и превратились в независимую структуру, на плечи которой была возложена война с террором. Бюджетная политика изменилась таким образом, что была нацелена на модернизацию экономического пространства – естественным образом новые источники ренты способствовали обогащению правящей коалиции и имели только

опосредованный эффект на качество жизни населения в республике. Новые тенденции в федеративных отношениях оказали прямое влияние на крушение первого политического порядка. Сформировавшаяся под покровительством нового президента А.Б. Канокова система внутриэлитных соглашений уже не была инклюзивной – место широкой коалиции элит под руководством В.М. Кокова заняла клиентела федеральных органов власти, в число которой входил и сам президент.

Неэффективность политического порядка, сформировавшегося под покровительством А.Б. Каноковым, в разрешении существующих противоречий, а также его изначально конфликтогенная природа, выразившаяся в отчуждении многих элитных акторов от доступа к власти и ренте, привели к потере доверия в глазах федерального центра. С приходом на пост главы силовика Ю.А. Кокова начавшиеся в 2000-е гг. тренды получили свое закрепление. В дискурсивном поле по-прежнему доминировала борьба с террором как главной угрозой стабильности и благополучия региона. Одновременно распространение интернета означало подрыв монополии государства на информационную политику; ясное осознание этого привело к усилению роли спецслужб и компетентных надзорных органов, призванных сформировать над республикой «экран тишины» в условиях Олимпийских игр. Видимые улучшения в сфере безопасности сопровождались консервацией внутренней политической динамики. В политике распределения рент новым стало сочетание инклюзивных (кооптация контр-элит) и эксклюзивных (интересы федеральных акторов были поставлены выше вопросов стабилизации региона) методов.

Изучение случая Кабардино-Балкарии является важным вкладом в дело изучения специфики авторитарных подходов к разрешению конфликтов в различных политических условиях. Суть нелиберального миротворчества заключается в установлении государственного контроля над господствующими дискурсами, проникновением государства в наиболее важные сферы общественной жизни и подчинении государству механизмов распределения экономических рент. Присущие конкурентной политической среде проявления открытой борьбы за власть резонно воспринимаются как угроза статусу-кво, в то время как «автократизация» и закрепление недемократических методов управления видятся «необходимым злом», удерживающим общество от наихудших последствий, вплоть до распада страны. Однако это же превращает нелиберальное миротворчество в ситуативную тактику, неспособную поддерживать стабильность в обществе на протяжении длительного периода времени – относительно частая динамика политических порядков в Кабардино-Балкарии подтверждает этот тезис. Новые подходы к разрешению конфликтов должны реалистично улавливать контекст и специфику общественных отношений. Теория политических порядков способна не только объяснить причины неудачи стратегий по разрешению конфликтов, но и предложить новые методы, учитывающие сложность местной специфики и важность неформальных институтов в стабилизации постконфликтных обществ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Апажева 2018 – *Апажева Е.Х.* Национальный вопрос и межнациональные отношения на Северном Кавказе 1985–2000 гг. – М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. – 200 с.

Ашхотова 2015 – *Ашхотова М.Р.* Модернизация механизма регулирования земельных отношений в условиях малоземелья: дисс. ... канд. эконом. наук. – Нальчик: КБГАУ им. В.М. Кокова, 2015. – 160 с.

Боров 2017 – *Боров А.Х.* Эволюция политических институтов Кабардино-Балкарской Республики в 1990-х – 2010-х годах: факторы, тенденции, предварительные итоги // Актуальные проблемы социально-политического и этнокультурного развития современной Кабардино-Балкарии. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2017. – С. 4–69.

Боров и др. 2018 – *Боров А.Х., Дзамихов К.Ф., Мамсиров Х.Б.* Региональный опыт политических трансформация в новейшей истории России: Кабардино-Балкарская Республика // Новейшая история России. – 2018. – Т. 8. – № 3. – С. 691–707.

Боров и др. 1999 – *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 183 с.

Боров, Тумов 2017 – *Боров А.Х., Тумов А.А.* Элиты и постсоветская трансформация политических режимов в республиках Северного Кавказа: «случай» Кабардино-Балкарии // Исторический журнал: научные исследования. – 2017. – № 4. – С. 40–55.

Гельман 2006 – *Гельман В.Я.* Возвращение Левиафана? Политика рецентрализации в современной России // Полис. – 2006. – №2. – С. 90–109.

Гельман 2019 – *Гельман В.Я.* «Недостойное правление»: политика в современной России. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 254 с.

Гельман, Стародубцев 2014 – *Гельман В.Я., Стародубцев А.В.* Возможности и ограничения авторитарной модернизации: российские реформы 2000-х годов // Полития. – 2014. – №4. – С. 6–30.

Казенин 2009 – *Казенин К.И.* «Тихие конфликты» на Северном Кавказе. Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. – М.: REGNUM, 2009. – 180 с.

Литвинова 2011 – *Литвинова Т.Н.* Политические институты на Северном Кавказе в контексте развития российской государственности. – Саарбрюккен: Lambert Academic Publishing, 2011. – 292 с.

Пабст 2010 – *Пабст А.* «Третий путь» Дмитрия Медведева // Россия в глобальной политике. – 2010. – № 5. – С. 23–34.

Политическое развитие... 2016 – *Политическое развитие* России. 2014–2016: Институты и практики авторитарной консолидации / Отв. ред. К. Рогов. – М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2016. – 216 с.

Северный Кавказ... 2011 – *Северный Кавказ: модернизационный вызов* / Отв. ред. И.В. Стародубовская. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2011. – 328 с.

Северный Кавказ... 2012 – *Северный Кавказ: Взгляд изнутри. Вызовы и проблемы социально-политического развития* / Отв. ред. Матвеева А.Г. – М.: Институт Востоковедения РАН, 2012. – 172 с.

Стародубовская, Казенин 2013 – *Стародубовская И.В., Казенин К.И.* Северный Кавказ: Quo vadis? – М.: Комитет гражданских инициатив, 2013. – 67 с.

Стародубовская, Казенин 2016 – *Стародубовская И.В., Казенин К.И.* Северный Кавказ и современная модель демократического развития. – М.: Комитет гражданских инициатив, 2016. – 69 с.

Стародубовская, Соколов 2013 – *Стародубовская И.В., Соколов Д.В.* Истоки конфликтов на Северном Кавказе. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. – 280 с.

Такова 2016 – *Такова А.Н.* «Молящаяся» мусульманская молодежь как субкультура кабардино-балкарского общества // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2016. – № 2. – С. 255–280.

Тумов 2017 – *Тумов А.А.* Избирательный процесс в современной Кабардино-Балкарии: эволюция политических условий, устойчивость политических результатов // Электронный журнал «Кавказология». – 2017. – № 2. – С. 119–139. – DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-2-119-139>

Тумов 2020 – *Тумов А.А.* Тенденции и проблемы политического развития республик Северного Кавказа в постсоветский период: опыт Кабардино-Балкарии: дисс. ... канд. ист. наук. – Нальчик: КБГУ им. Х.М. Бербекова, 2020. – 345 с.

Тумов и др. 2019 – *Тумов А.А., Татаров А.А., Машуков Х.В.* Кабардино-Балкария в 2014–2019 годах: в поисках решения старых проблем // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 4. – С. 112–127. – DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-4-112-127>

Указ Президента... 1992 – *Указ Президента РФ №1232* «О мерах по государственной поддержке социально-экономического положения КБР» от 14 октября 1992 г. // Кабардино-Балкарская правда. – 20 октября 1992. – № 202. – С. 1.

Хайкин, Попов 2012 – *Хайкин С.Р., Попов Н.П.* Протестные настроения на Северном Кавказе: общее и особенное // Мониторинг общественного мнения (часть I). – 2012. – № 4. – С. 14–28.

Цуциев 2007 – *Цуциев А.А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). – М.: Европа, 2007. – 128 с.

Шипилов, Кузьмина 2007 – *Шипилов В.И., Кузьмина С.В.* История милиции Кабардино-Балкарии: этапы создания, становления и развития. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. – 376 с.

Шорова 2010 – *Шорова М.Б.* Национальный вопрос в общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии (середина 1980-х – 1990-е гг.): дисс. ... канд. ист. наук. – Нальчик: КБГУ им. Х.М. Бербекова, 2010. – 206 с.

Юрий Коков... 2013 – *Юрий Коков:* борьба с экстремизмом – не во вред экономике // Газета Юга. – 12 декабря 2013 г. – № 40. – С. 1.

Cheng and oth. 2018 – *Cheng C., Goodhand J., Meehan P.* Securing and Sustaining Elite Bargains that Reduce Violent Conflict. Synthesis Paper. – London: UK Stabilisation Unit, 2018.

Derlugian 2004 – *Derlugian G.M.* Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus. – New-York: Verso, 2004. – 408 p.

Gammer 2014 – *Gammer M.* Separatism in the Northern Caucasus // Caucasus Survey. – 2014. – Vol. 1. – No. 2. – P. 37–47.

Gelman 2002 – *Gelman V.* Russia's Elites in Search of Consensus: What Kind of Consolidation? // Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization. – 2002. – Vol. 10. – No. 3. – P. 343–361.

Golosov 2014 – *Golosov G.* Co-optation in the Process of Dominant Party System Building: the Case of Russia // East European Politics. – 2014. – Vol. 30. – No. 2. – P. 271–285.

Golosov 2017 – *Golosov G.* Legislative Turnover and Executive Control on Russia's Regions (2003-2014) // Europe-Asia Studies. – 2017. – Vol. 69 – No. 4. – P. 553–570.

Gratz 2014 – *Gratz J.* «Russia's Military Reform: Progress and Hurdles» // CSS Analyses in Security Policy. – 2014. – No. 152. – P. 1–4.

Holland 2016 – *Holland E.C.* Economic Development and Subsidies in the North Caucasus // Problems of Post-Communism. – 2016. – Vol. 63. – No. 1. – P. 50–61.

Holland and oth. 2017 – *Holland E.C., Witmer F.D.W., O'Loughlin J.* The Decline and Shifting Geography of Violence in Russia's North Caucasus, 2010–2016 // Eurasian Geography and Economics. – 2017. – Vol. 58. – No. 6. – P. 613–641.

Kahn 2000 – *Kahn J.* The Parade of Sovereignties: Establishing the Vocabulary of the New Russian Federalism // Post-Soviet Affairs. – 2000. – Vol. 16. – No. 1. – P. 58–89.

Keen 2021 – *Keen M.* Assessing authoritarian conflict management in the Middle East and Central Asia // Conflict, Security, and Development. – 2021. – Vol. 21. – No. 3. – P. 245–272.

- Khan 2018 – *Khan M.* Political Settlements and the Analysis of Institutions // African Affairs. – 2018. – No. 117. – P. 636–655.
- Koehler and oth. 2020 – *Koehler J., Gunya A., Shogenov M., Tumov A.* Violence and the Dynamics of Political Settlements in Post-Soviet Kabardino-Balkaria // Perspectives on Terrorism. – 2020. – Vol. 14. – No. 2. – P. 93–111, 233–236.
- Lewis and oth. 2018 – *Lewis D., Heathershaw J., Megoran N.* Illiberal peace? Authoritarian Modes of Conflict Management // Cooperation and Conflict. – 2018. – Vol. 53. – No. 4. – P. 486–506.
- Melvin 2007 – *Melvin N.* Building Stability in the North Caucasus. Ways Forward for Russia and the European Union. SIPRI Policy Paper No. 16. – Stockholm: SIPRI, 2007. – 59 p.
- Pearce 1999 – *Pearce J.* Peace-building in the Periphery: Lessons from Central America // Third World Quarterly. – 1999. – Vol. 20. – No. 1. – P. 51–68.
- Plonski, Yousuf 2018 – *Plonski S., Yousuf Z.* Borderlands and Peacebuilding: a View from the Margins. PSRP Report, Accord. Conciliation Resources, 2018 [Electronic resource]. URL: <https://www.politicalsettlements.org/wp-content/uploads/2018/11/Accord-Insight-4-Borderlands-WEB.pdf> (access date: 21.10.2021)
- Ross 2002 – *Ross C.* Federalism and Democratization in Russia. – Manchester: Manchester University Press, 2002. – 182 p.
- Souleimanov 2015 – *Souleimanov E.* An Ethnography of Counterinsurgency: Kadyrovtsy and Russia's Policy of Chechenization // Post-Soviet Affairs. – 2015. – Vol. 31. – No. 2. – P. 91–114.
- The North Caucasus... 2012 – *The North Caucasus: The Challenges of Integration (III): Governance, Elections, Rule of Law.* Europe Report No. 226. – 2012. – 48 p. [Electronic resource]. URL: <https://www.refworld.org/pdfid/522d78cf4.pdf> (access date: 21.10.2021).
- Toft, Zhukov 2012 – *Toft M., Zhukov Y.* Denial and Punishment in the North Caucasus: Evaluating the Effectiveness of Coercive Counter-Insurgency // Journal of Peace Research. – 2012. – Vol. 49. – No. 6. – P. 785–800.
- Yemelianova 2005 – *Yemelianova G.* Kinship, Ethnicity and Religions in post-Communist Societies // Ethnicities. – 2005. – No. 5. – P. 51–82.
- Youngman 2020 – *Youngman M.* Crossing the Rubicon // Perspectives on Terrorism. – 2020. – Vol. 14. – No. 6. – P. 106–121.

REFERENCES

- APAZHEVA E.Kh. *Nacional'nyi vopros i mezhnacional'nye otnosheniya na Severnom Kavkaze 1985-2000 gg.* [National issue and interethnic relations in the North Caucasus, 1985–2000]. – M.: BIBLIO-GLOBUS, 2018. – 200 p. (In Russian)
- ASHKHOTOVA M.R. *Modernizatsiya mehanizma regulirovaniya zemel'nyh otnoshenii v usloviyah malozemel'ya: diss. ... kand. ekonom. nauk* [Modernisation of land tenure regulation amidst land shortage: dissertation ... of the candidate of economic sciences degree]. – Nalchik: V.M. Kokov KBGAU, 2015. – 160 p. (In Russian)
- BOROV A.Kh. *Evolutsiya politicheskikh institutov Kabardino-Balkarskoi Respubliki v 1990-h – 2010-h godah: faktory, tendencii, predvaritel'nye itogi* [Evolution of political institutions in Kabardino-Balkarian Republic in the 1990–2010s: factors, tendencies, preliminary results]. IN: *Aktual'nye problemy social'no-politicheskogo i etnokul'turnogo razvitiya sovremennoi Kabardino-Balkarii.* – Nalchik: KBNC RAN, 2017. – P. 4–69. (In Russian)
- BOROV A.Kh., DUMANOV Kh.M., KAZHAROV V.Kh. *Sovremennaya gosudarstvennost' Kabardino-Balkarii: istoki, pusti stanovleniya, problem* [Modern statehood of Kabardino-Balkaria: roots, formation, issues]. – Nalchik: El'-Fa, 1999. – 183 p. (In Russian)
- BOROV A.Kh., DZAMIKHOV K.F., MAMSIROV Kh.B. *Regional'nyi opyt politicheskikh transformatsiya v noveishei istorii Rossii: Kabardino-Balkarskaya Respublika* [Regional experience of political transformations in contemporary Russian history: the case of the Kabardino-Balkarian Republic]. IN: *Noveishaia istoriya Rossii.* – Vol. 8. – No. 3. – P. 691–707. (In Russian)

BOROV A.Kh., TUMOV A.A. *Elity i postsovetskaya transformaciya politicheskikh rezhimov v respublikah Severnogo Kavkaza: 'sluchai' Kabardino-Balkarii* [Elites and post-Soviet transformation of political regimes in the North Caucasus republics: the case of Kabardino-Balkaria]. IN: *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. – 2017. – No. 4. – P. 40–55. (In Russian)

CHENG C., GOODHAND J., MEEHAN P. *Securing and Sustaining Elite Bargains that Reduce Violent Conflict*. Synthesis Paper. – London: UK Stabilisation Unit, 2018. (In English)

DERLUGIAN G. *Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus*. – New-York: Verso, 2004. – 408 p. (In English)

GAMMER M. *Separatism in the Northern Caucasus*. IN: *Caucasus Survey*. – 2014. – Vol. 1. – No. 2. – P. 37–47. (In English)

GEL'MAN V.Y. (2006) *Vozvrashhenie Leviafana? Politika recentralizacii v sovremennoi Rossii* [The return of Leviathan? Recentralisation politics in post-Soviet Russia]. IN: *Polis*. – 2006. – No. 2. – P. 90–109. (In Russian)

GEL'MAN V.Y. 2019 *«Nedostoinoe pravlenie»: politika v sovremennoi Rossii* [Bad governance: politics in modern Russia]. – Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2019. – 254 p. (In Russian)

GELMAN V.Y. *Russia's Elites in Search of Consensus: What Kind of Consolidation?* IN: *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*. – 2002. – Vol. 10. – No. 3. – P. 343–361. (In English)

GEL'MAN V.Y., STARODUBTSEV A.V. *Vozmozhnosti i ogranicheniya avtoritarnoi modernizacii: rossiiskie reformy 2000-h godov* [Opportunities and limites of authoritarian modenisation: reforms in the 2000s Russia]. IN: *Politeia*. – 2014. – No. 4. – P. 6–30. (In Russian)

GOLOSOV G.V. *Co-optation in the Process of Dominant Party System Building: the Case of Russia*. IN: *East European Politics*. – 2014. – Vol. 30. – No. 2. – P. 271–285. (In English)

GOLOSOV G.V. *Legislative Turnover and Executive Control on Russia's Regions (2003–2014)*. IN: *Europe-Asia Studies*. – 2017. – Vol. 69. – No. 4. – P. 553–570. (In English)

GRATZ J. *Russia's Military Reform: Progress and Hurdles*. IN: *CSS Analyses in Security Policy*. – 2014. – No. 152. – P. 1–4. (In English)

HAJKIN S.R., POPOV N.P. (*Protestnye nastroyeniya na Severnom Kavkaze: obshhee i osobennoe* [Disaffection in the North Caucasus: generalities and particularities]. IN: *Monitoring obshhestvennogo mneniya (chast' I)*. – 2012. – No. 4. – P. 14–28. (In Russian)

HOLLAND E.C. *Economic Development and Subsidies in the North Caucasus*. IN: *Problems of Post-Communism*. – 2016. – Vol. 63. – No. 1. – P. 50–61. (In English)

HOLLAND E.C., WITMER F.D.W., O'LOUGHLIN J. *The Decline and Shifting Geography of Violence in Russia's North Caucasus, 2010–2016*. IN: *Eurasian Geography and Economics*. – 2017. – Vol. 58. – No. 6. – P. 613–641. (In English)

KAHN J. *The Parade of Sovereignties: Establishing the Vocabulary of the New Russian Federalism*. IN: *Post-Soviet Affairs*. – 2000. – Vol. 16. – No. 1. – P. 58–89. (In English)

KAZENIN K.I. *«Tihie konflikty» na Severnom Kavkaze. Adygeya, Kabardino-Balkariya, Karachaevo-Cherkesiya* [Silent conflicts in the North Caucasus: Adygea, Kabardin-Balkaria, Karachay-Cherkesia]. – M.: REGNUM, 2009. – 180 p. (In Russian)

KEEN M. *Assessing authoritarian conflict management in the Middle East and Central Asia*. IN: *Conflict, Security, and Development*. – 2021. – Vol. 21. – No. 3. – P. 245–272. (In English)

KHAN M. *Political Settlements and the Analysis of Institutions*. IN: *African Affairs*. – 2018. – No. 117. – P. 636–655. (In English)

KOEHLER J., GUNYA A., SHOGENOV M., TUMOV A. *Violence and the Dynamics of Political Settlements in Post-Soviet Kabardino-Balkaria*. IN: *Perspectives on Terrorism*. – 2020. – Vol. 14. – No. 2. – P. 93–111, 233–236. (In English)

LEWIS D., HEATHERSHAW J., MEGORAN N. *Illiberal peace? Authoritarian Modes of Conflict Management*. IN: *Cooperation and Conflict*. – 2018. – Vol. 53. – No. 4. – P. 486–506. (In English)

LITVINOVA T.N. *Politicheskie instituty na Severnom Kavkaze v kontekste razvitiya rossiiskoi gosudarstvennosti* [Political institutions in the North Caucasus amidst evolution of Russian statehood]. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. – 292 p. (In Russian)

MELVIN N. Building Stability in the North Caucasus. Ways Forward for Russia and the European Union. SIPRI Policy Paper No. 16. – Stockholm: SIPRI, 2007. – 59 p. (In English)

PABST A. «Tretii put'» Dmitriya Medvedeva [‘The third path’ of Dmitry Medvedev]. IN: *Rossiya v global'noi politike*. – 2010. – No. 5. – P. 23–34. (In Russian)

PEARCE J. Peace-building in the Periphery: Lessons from Central America. IN: *Third World Quarterly*. – 1999. – Vol. 20. – No. 1. – P. 51–68. (In English)

PLONSKI S., YOUSUF Z. Borderlands and Peacebuilding: a View from the Margins. PSRP Report, Accord. Conciliation Resources, 2018 [Electronic resource]. URL: <https://www.politicalsettlements.org/wp-content/uploads/2018/11/Accord-Insight-4-Borderlands-WEB.pdf> (access date: 21.10.2021). (In English)

Politicheskoe razvitie Rossii. 2014–2016: Instituty i praktiki avtoritarnoi konsolidacii [Political development of Russia. 2014–2016. Institutions and patterns of authoritarian consolidation. Ed. By K. Rogov]. – Moscow: Fond «Liberal'naya Missiya», 2016. – 216 p. (In Russian)

President Decree No. 1232 «O merah po gosudarstvennoi podderzhke social'no-ekonomicheskogo polozheniya KBR» [On the state support for socio-economic situation in KBR], 14 October 1992 g. IN: *Kabardino-Balkarskaya Pravda*. – 20 October 1992. – No. 202. – P. 1. (In Russian)

ROSS C. Federalism and Democratization in Russia. – Manchester: Manchester University Press, 2002. – 182 p. (In English)

Severnyi Kavkaz: modernizacionnyi vyzov [The North Caucasus: the challenge of modernization. Ed. by I.V. Starodubrovskaya]. – Moscow: Izdatel'skii dom «Delo» RANHiGS, 2011. – 328 p. (In Russian)

Severnyi Kavkaz: Vzgliad iznutri. Vyzovy i problemy social'no-politicheskogo razvitiya [The North Caucasus: The view from inside. Challenges and problems of socio-political development. Ed. By A.G. Matveeva]. – Moscow: Institut Vostokovedeniya RAN, 2012. – 172 p. (In Russian)

SHIPILOV V.I., KUZ'MINA S.V. *Istoriya milicii Kabardino-Balkarii: etapy sozdaniya, stanovleniya i razvitiya* [The history of militia in Kabardino-Balkaria: making, formation, and evolution]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovyh, 2007. – 376 p. (In Russian)

SHOROVA M.B. *Nacional'nyi vopros v obshhestvenno-politicheskoi zhizni Kabardino-Balkarii (seredina 1980-h – 1990-e gg.): diss. ... k.i.n.* [National issue in socio-political life of Kabardino-Balkaria (mid 1980s – 1990s): dissertation ... of the candidate of historical sciences degree]. – Nalchik, 2010. – 206 p. (In Russian)

SOULEIMANOV E. An Ethnography of Counterinsurgency: Kadyrovtsy and Russia's Policy of Chechenization. IN: *Post-Soviet Affairs*. – 2015. – Vol. 31. – No. 2. – P. 91–114. (In English)

STARODUBROVSKAJA I.V., KAZENIN K.I. *Severnyi Kavkaz i sovremennaya model' demokraticeskogo razvitiya* [The North Caucasus and the contemporary trajectory of democratisation]. – Moscow: Komitet grazhdanskih iniciativ, 2016. – 69 p. (In Russian)

STARODUBROVSKAJA I.V., KAZENIN K.I. *Severnyi Kavkaz: Quo vadis?* [The North Caucasus. Quo vadis?] – Moscow: Komitet grazhdanskih iniciativ, 2013. – 67 p. (In Russian)

STARODUBROVSKAJA I.V., SOKOLOV D.V. *Istoki konfliktov na Severnom Kavkaze* [The origins of conflicts in the North Caucasus]. – Moscow: Izdatel'skii dom «Delo» RANHiGS, 2013. – 280 p. (In Russian)

TAKOVA A.N. «Molyashhayasya» musul'manskaya molodezh' kak subkul'tura kabardino-balkarskogo obshhestva [‘Praying’ muslim youth as a subculture of the Kabardino-Balkarian society]. IN: *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom*. – 2016. – No. 2. – P. 255–280. (In Russian)

The North Caucasus: The Challenges of Integration (III): Governance, Elections, Rule of Law. Europe Report No. 226, 2012. – 48 p. [Electronic resource]. URL: <https://www.refworld.org/pdfid/522d78cf4.pdf> (access date: 21.10.2021). (In English)

TOFT M.D., ZHUKOV Y.M. Denial and Punishment in the North Caucasus: Evaluating the Effectiveness of Coercive Counter-Insurgency. IN: Journal of Peace Research. – 2012. Vol. 49. – No. 6. – P. 785–800. (In English)

TSUTSIEV A.A. *Atlas etnopoliticheskoi istorii Kavkaza* [The North Caucasus atlas of ethnopolitical history] (1774–2004). – M.: Evropa, 2007. – 128 p. (In Russian)

TUMOV A.A. *Izbitatel'nyi process v sovremennoi Kabardino-Balkarii: evolyuciya politicheskikh uslovii, ustoychivost' politicheskikh rezul'tatov* [Electoral process in modern Kabardino-Balkaria: evolution of political conditions, stability of political results]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2017. – No. 2. – P. 119–139. – DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2017-2-119-139> (In Russian)

TUMOV A.A. *Tendencii i problemy politicheskogo razvitiya respublik Severnogo Kavkaza v postsovetskii period: opyt Kabardino-Balkarii: diss. ... k.i.n.* [Tendencies and problems of political development in the North Caucasus republics: the case of Kabardino-Balkaria: dissertation ... of the candidate of historical sciences degree]. – Nalchik, 2020. – 345 p. (In Russian)

TUMOV A.A., TATAROV A.A., MASHUKOV H.V. *Kabardino-Balkariya v 2014–2019 godah: v poiskah resheniya starykh problem* [Kabardin-Balkaria in 2014–2019: in the quest for solutions to the old problems]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2019. – No. 4. – P. 112–127. – DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-4-112-127> (In Russian)

YEMELIANOVA G.M. Kinship, ethnicity and religions in post-Communist societies. IN: *Ethnicities*. – 2005. – No. 5. – P. 51–82. (In English)

YOUNGMAN M. Crossing the Rubicon. IN: *Perspectives on Terrorism*. – 2020. – Vol. 14. – No. 6. – P. 106–121. (In English)

Yuri Kokov: bor'ba s ekstremizmom – ne vo vred ekonomike [Yuri Kokov: combatting extremism without harming the economy]. IN: *Gazeta Yuga*. – 12 December 2013. – No. 40. – P. 1. (In Russian)